

Е Фаньсин никогда не питал иллюзий насчет семьи Е. Они были подобны крысам в сточной канаве: всегда выскакивали внезапно и вызывали лишь отвращение.

Вспомнив некоторые фрагменты из оригинала, Е Фаньсин заперся в комнате и принялся рыться в вещах. Глядя на пожелтевшие от неправильного хранения долговые расписки, он почувствовал, как его доселе напряженные губы тронула холодная усмешка.

Е Фаньсин внимательно изучил бумаги: расписки делились на два вида — на зерно и на серебро. Он отложил зерновые в сторону, а затем принялся быстро подсчитывать суммы по денежным долгам. Итоговая цифра заставила его глаза, в которых еще теплилась усмешка, стать холодными, словно ледяная заводь.

На расписках, где стояли отпечатки пальцев, красовалось имя Сюй Инди, а те, что были подписаны, принадлежали Е Вэньцаю. Теперь пришло время платить по счетам — никто не имеет права жить припеваючи на деньги кредитора. Учитывая невероятную скупость семейства Е, заставить их вернуть долг было все равно что вырвать у них сердце. При этой мысли улыбка Е Фаньсина стала еще шире: он не мог дожидаться момента, когда увидит их мучения.

Едва Е Фаньсин закончил сортировку всех этих грязных счетов и собрался выйти, как услышал пронзительный женский крик, за которым последовал горестный плач.

— Ты, по фамилии Сун, твоя хромота — это возмездие небес! Мало того, что ты не выказываешь нам должного почтения, так еще и подстрекаешь Син-гэра отдалиться от нас...

Е Фаньсину даже не нужно было выходить, чтобы узнать голос Сюй Инди.

Следом раздался голос старика:

— Сун Хаомин, а еще называешь себя ученым человеком! По-моему, все твои знания только собаке под хвост ушли. Если бы не память о твоих покойных бабушке и дедушке, стал бы я давать добро на то, чтобы семья третьего сына выдала за тебя, этого одинокого несчастного, нашего Син-гэра!

Е Юйшань, стоя за забором и слушая бредни главы семьи Е, Е Синхая, не заботясь о том, что перед ним старший, язвительно бросил:

— Тьфу! Раз вы сказали, что Хаомин — несчастный одиночка, значит, так оно и есть? Я вот слышал, что такие люди приносят беды всем своим близким. Син-эр вышел замуж в семью Сун, значит, и вы входите в число этих близких. Прошло три года, почему же вы до сих пор живы-здоровы?

Сюй Инди, видя, что ее свекор был так легко посрамлен юнцом Е Юйшанем, пришла в ярость.

В другое время она бы уже разразилась бранью, но, взглянув на мужа и сына, которые прятались за ее спиной, делая вид, что они ни при чем, подумала, что помощи от них ждать не стоит.

— Я знаю, ты теперь, когда у тебя появился ребенок, совсем не ставишь нашу семью Е ни во что. Но не забывай, что этот щенок вылез из чрева нашего Син-гэра, и не тебе одному решать, носить ему фамилию Сун или Е!

В этот момент Е Фаньсин вышел из комнаты и встал во дворе, сразу привлекая к себе всеобщее внимание. У ворот столпилось множество людей: помимо семейства Е, там были староста и несколько старейшин рода.

Е Фаньсин подошел ближе, поприветствовал собравшихся и перевел взгляд на Сун Хаомина. Убедившись, что тот не пострадал, он облегченно вздохнул.

— Матушка, вы хотите сказать, что Нань-эр должен носить фамилию Е?

Не дожидаясь ответа Сюй Инди, он посмотрел на Е Лаогэня:

— Отец, вы тоже так считаете?

Сюй Инди, которая только вчера пострадала от рук Е Фаньсина, при звуке его холодного голоса невольно содрогнулась. Она вдруг поняла, что этот Е Фаньсин больше не похож на того робкого и туповатого юношу, каким был раньше. Но Сюй Инди дорожила своей репутацией, и раз уж слова были сказаны при стольких свидетелях, она решила, что Е Фаньсин не посмеет ничего ей сделать. Она выпрямила спину, приняла вид почтенной старшей и сверкнула глазами на сына:

— Ну и что с того?

— Раз матушка признает это, тогда разговор короткий. Я беру на себя смелость заявить, что Нань-эр будет носить мою фамилию Е...

Е Фаньсин не успел договорить, как его прервал яростный крик Сун Хаомина:

— Е Фаньсин!

— Я помню, как дедушка говорил мне перед свадьбой, что до замужества я подчиняюсь отцу, а после — мужу. Полагаю, с фамилией то же самое. Если Нань-эр теперь Е, то Сун Хаомин может считаться примаком в нашей семье Е!

Е Фаньсин проигнорировал гнев Сун Хаомина и, многозначительно взглянув на него, продолжил:

— Кстати, каков был размер выкупа, когда я выходил замуж в семью Сун?

Когда из уст Е Фаньсина прозвучало о подчинении мужу, Сун Хаомин лишь усмехнулся: надо же, он все-таки помнит, кто здесь муж. Понимая, к чему клонит Е Фаньсин, Сун Хаомин ответил:

— Пятьдесят цзиней отборного зерна и десять лян серебра.

— Отец, матушка, я помню, что при заключении брака вы не дали мне никакого приданого. Так что приданое от семьи Сун мы оставим себе, а что касается выкупа, то пусть семья Е выплатит его в том же размере, в каком Сун платили за меня.

Е Фаньсин говорил это так, будто это было само собой разумеющееся. Семья Е не осмелилась сразу согласиться: если они подтвердят это, то потеряют сотню цзиней риса и двадцать лян серебра!

— Мне плевать! — закричала Сюй Инди, окончательно теряя стыд. — Будь ты примаком или кем угодно, ты вылез из моего чрева, ты носишь фамилию Е, и ты обязан нас почитать! Если не признаешь, мы подадим на вас в уездный суд! Ты совершаешь преступление против предков, ты выказываешь неуважение ко мне, ты сядешь в тюрьму на несколько лет!

Снова суд. Е Фаньсин бросил взгляд на толстопузого Е Вэньцая, который даже не смог сдать экзамен на звание туншэна, стоящего чуть поодаль. Не нужно было гадать, кто подсказал ей эту идею.

— Насчет суда — это еще как посмотреть. Я знаю, что я всего лишь гээр, мой голос слаб, а ума мне всегда не хватало. Но раз уж родители требуют от меня, выданного замуж гээра, почтения, попрошу старосту и уважаемых дядюшек научить меня, как именно мне следует их почитать?

Эти люди больше всего на свете любили сглаживать углы, но сегодня, на глазах у всех, он заставит их проявить принципиальность!

— Ну... Син-гэр, все знают, что ты всегда был почтительным ребенком, веди себя как обычно, — проговорил один из старейшин рода, слывший добряком.

Но Е Фаньсин не отступил, уцепившись за его слова:

— Как обычно? На поле семьи Е полно урожая, а на моем — одни сорняки, жалованье Сун Хаомина забирает семья Е, шпилька в волосах матушки...

Для Е Вэньцая эти слова прозвучали как приговор. Боясь, что Е Фаньсин сболтнет лишнее, он тут же закричал:

— Е Фаньсин, что ты несешь? Если на твоём поле сорняки, то только из-за твоей лени! А жалование Сун Хаомина... вы сами его бездарно потратили, какое отношение это имеет к семье Е?

Даже всегда честный Е Лаогэнь с разочарованием посмотрел на сына:

— Правду говорят: выданный замуж гээр — что выплеснутая вода!

— Матушка не хочет меня знать, отец говорит, что я выплеснутая вода, мой дорогой младший брат утверждает, что я не имею отношения к семье Е...

Е Фаньсин выглядел настолько обиженным и готовым заплакать, что у всех присутствующих сжалось сердце. Однако следующая его фраза прозвучала как удар грома, оглушив каждого:

— Прошу старосту и всех дядюшек стать свидетелями: я... я... я официально прошу об исключении из рода и разрыве всех родственных связей!

<http://bllate.org/book/22475/2366694>